

ПРИЗРАК С ОКРАИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЛАЗАР КНИГА ТРЕТЬЯ

18+

Блазар

Призрак с окраины. Книга третья

«Автор»

2026

Блазар

Призрак с окраины. Книга третья / Блазар — «Автор», 2026

Нилак Ратгор снова выжил — но победой это назвать трудно. После саботированного гиперпрыжка «Тень» оказывается в неизвестной системе. Центральный искин, гипердвигатель и навигация потеряны, связь с Содружеством оборвана. Единственный шанс на спасение — потерянная человеческая планета с дымными городами, шахтами, заводами, аристократией и силой, которую местные считают магией. Для Нилака это пси. Для знати — источник власти. А для хозяев этого мира он слишком быстро превращается из странного чужака в проблему, которую уже нельзя оставить без внимания. Чтобы спасти корабль и экипаж, Нилаку придётся найти ресурсы, наладить производство и не перейти черту, за которой помощь становится вмешательством. В местной магии звучит санскрит, а значит, эта планета связана с древними куда сильнее, чем кажется.

© Блазар, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Герцог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Блазар

Призрак с окраины. Книга третья

Пролог. Герцог

В Хардуме день начинался не с восхода солнца.

Сначала город зажигался искусственными огнями. Внизу, под серыми уступами, пробуждались котельные, выплёвывая сизый дым в предрассветное утро. Потом один за другим отсыпались тяговые дома: низко, тяжело, будто в каменной груди Серого Венца просыпались великаны. Дым и пар шли над крышами, цеплялись за шпили, ложились на мокрую черепицу и делали утро одинаковым в любое время года — сажистым, кислым, с привкусом угля на языке у горожан.

На картах планеты этот край назывался Венцовым. Купцы называли его Северным промышленным поясом, а газетчики — опорой державного труда и благополучия.

Чёрный Венец — так называли эту местность простые работяги.

Там, внизу, у шахтных ворот уже открывались лавки. Женщины с корзинами ругались у хлебных рядов. Мальчишки в закопчённых куртках бежали к сортировочным дворам, пока надсмотрщики не закрыли проходные. Газетчики выкрикивали заголовки, которые ещё ночью правили в герцогской канцелярии. У тротуаров шипели прокаты. Над мостовой звенели рельсовые повозы. Дальше, за домами, уходили в горы хребтовые линии — чёрные, мокрые, натянутые между камнем и паром.

По железным трактам перемещали руду и уголь, почту, продовольствие и пассажиров.

Герцог Арден Валхор любил смотреть на Хардум по утрам. Город оживал, просыпался и начинал работать.

Вечерами зажигались газовые фонари, открывались трактиры, у театров появлялись парокареты, дамы прятали лица в высокие тёплые воротники, а господа спорили о политике, делая вид, что могут что-то изменить этими разговорами.

Герцог стоял у высокого окна, заложив руки за спину. Стекло было толстым, с лёгкой зеленцой, и Хардум за ним казался погружённым в мутную воду. На подоконнике лежала тонкая полоска сажи. Каждый вечер её убирали, но сажа возвращалась раньше, чем он приходил в кабинет.

Валхор провёл пальцем по каменному подоконнику и задумчиво посмотрел на тёмный след на коже. Для него сажа была хорошим знаком. Пока она ложилась на окна, его маленькая империя приносила доход.

За его спиной располагалась карта, занимавшая почти всю внутреннюю стену кабинета: Венцовый край в медной раме, с горами, реками, шахтными округами, плавильными дворами, железными трактами, воздушными маршрутами и городскими кварталами. Карта была механической, настоящим произведением технологического искусства, сделанным на заказ. Сюда в реальном времени сходились узорные нити со всей округи.

Часть нитей светилась ровно — действующие тракты. Другие пульсировали, показывая перегруженные линии. Третьи были тусклыми, почти серыми: этим цветом обозначались долги, спорные или заложенные участки, точки на грани банкротства. Отдельными тонкими штрихами шли узорные станции, газовые дворы, тяговые дома и банковские узлы.

Валхор смотрел на карту каждый день и каждый день видел одно и то же: край держался на узорной связи.

На столе перед креслом стояла бронзовая модель тягового дома. Очень тонкая работа: в миниатюре были сделаны котлы, маховик, барабаны, зубчатые передачи, крошечные канатные

шкивы и центральный желоб хребтовой линии. Подарок Совета промышленников к годовщине Хардумской линии. На табличке было выгравировано: «Господину Венца, чьей волей движется край».

Лесть была грубой, но точно отображала положение герцога в местной иерархии.

Рядом лежал кусок тёмной руды величиной с мужской кулак, тяжёлый, с прожилками. Валхор иногда держал его в ладони во время докладов. Камень напоминал чиновникам, что все их бумаги, печати, речи и узорные карты в конце концов упрутся в то, что можно выкопать, переплавить и продать.

У левого края стола лежала свежая газета. Передовица ещё пахла типографской краской. Некоторые строки были зачёркнуты тонким красным карандашом, поверх них рукой Валхора были выведены ключевые пометки.

«Недовольство рабочих кварталов» превратилось в «усталость честных тружеников».

«Перебои с продовольствием» — во «временное перераспределение поставок».

«Задержание редактора Ламма» — в «проверку источников клеветнических слухов».

Бумага терпела всё. Люди — почти всё.

За дверью негромко кашлянул секретарь.

— Войдите, Дойн.

Первый секретарь Бренн Дойн вошёл, держа перед собой кожаную папку. Он был сухой, аккуратный, с лицом человека, который давно научился не иметь лишних выражений. За ним скользнул младший писец с чернильницей и стопкой утренних бумаг.

Оба поклонились.

Валхор сел в строгое кожаное кресло на кованых металлических подножках.

— Начинайте, — распорядился он.

Дойн раскрыл папку.

— Цена на уголь для городских котельных. Рудничная палата просит поднять на одну шестнадцатую. Плавильщики возражают. Городская управа просит оставить прежнюю цену до конца холодов.

— Рудничная палата всегда просит поднять цены, а городские не хотят тратить свои бюджеты. У них разные цели. Цену поднять на одну тридцать вторую. Разницу записать как временный сбор на ремонт нижних мостов.

Писец заскрипел пером.

— Мосты не стоят в смете этого квартала, ваша светлость, — осторожно сказал Дойн.

— Теперь стоят.

— Да, ваша светлость.

Дойн перевернул страницу.

— Газетчик Эрен Ламм. Издал листовку и распространял у Северных ворот. Тираж малый, но формулировки неприятные. Упоминается продовольственный обоз для Верхнего круга.

— Кто дал ему цифры?

— Пока не установлено.

— Задержать Ламма. Без шума. Типографию не печатывать. Пусть завтра выйдет номер с извинениями.

— Если они откажутся?

Валхор внимательно посмотрел на секретаря.

Дойн опустил глаза.

— Понял, ваша светлость.

Следующая бумага легла на край стола.

— Поставка продовольствия в Нижний Клин. Из-за ремонта третьего подъёмника обоз задерживается на несколько дней. Староста квартала просит разрешения взять запас из резерва.

Валхор взял красный карандаш и поправил ещё одну строку в газете. Потом ответил:

— Нет.

Писец поднял голову и сразу опустил.

— В Нижнем Клине уже были волнения, — сказал Дойн.

— Поэтому нет. Если дать им резерв после крика, завтра закричит Полозов двор. Потом Мыльный спуск. Потом Воротная слобода. Перераспределите половину поставки из Западного ряда. Голод допускать нельзя. Старосте — благодарность за бдительность. Его племяннику отказать в месте при узорной школе.

Дойн сделал пометку.

Валхор не повышал голоса. Не нужно было. В кабинете и без того становилось теснее, когда он принимал решение.

— Лицензия на малый воздушный тракт, — продолжил Дойн. — Между Хардумом и Бережным заводом. Просят представители династии Лосс и ливрейная компания Крайней верфи. У Лоссов поручительство от казначейской палаты. У ливрейной компании есть новые воздушные тягочи.

— Лоссам отказать.

Дойн едва заметно поднял бровь.

— Но как же поддержка?

— Именно поэтому отказать. Казначейская палата начала путать поддержку с правом. Верфи дать лицензию на три года, не больше. Условие: два тягоча по первому требованию переходят под военную перевозку.

— Они будут недовольны.

— Пусть выбирают: летают по малому воздушному тракту или выражают недовольство.

Дойн поклонился.

Для герцога это было обычное утро. Люди хотели больше угля, больше продовольствия, больше прав и меньше старых обязательств. Хотели продать свои требования, получить уступку, протиснуться между чужими долгами и герцогской печатью. Из таких желаний, если дать им свободу, получались революции. Если держать их в узде, сталкивать между собой и направлять, власть только укреплялась.

Утренний доклад был окончен.

Валхор остался один. Он взял со стола камень, прикрыл глаза, размышляя о планах на день, и дверь открылась снова. На этот раз секретарь не кашлянул заранее.

Валхор не повернул головы.

— Что случилось, Дойн?

Секретарь уже стоял у двери.

— Ваша светлость, срочный доклад с хребтовой линии.

В кабинет вошёл дорожный инспектор. Плащ на нём был ещё мокрым, сапоги оставили на ковре две тёмные отметины. Он понял это слишком поздно и побледнел.

— Ваша светлость.

— Говорите.

Инспектор сглотнул. В руке он держал узкую металлическую коробку с печатью трактовой службы. На крышке виднелась свежая трещина воска.

— Сухая Балка. Вторая хребтовая линия. Нижний подъём. Ночная проводка рудного состава с восемнадцатого уступа. Была угроза срыва.

Дойн резко посмотрел на карту. Одна из нитей в северо-восточной части под стеклом пульсировала чаще остальных. Тускло-красная точка дрожала у изгиба тракта, где равнинный ход переходил в хребтовую жилу.

— Потери? — спросил Валхор.

— Нет, ваша светлость.

— Тогда почему доклад срочный?

Инспектор открыл коробку. Внутри лежала узорная карта: тонкая пластина с пробитым рисунком, залитая по краям мутным защитным составом. Такие карты приходили с трактовых станций через узорную почту. Обычно они содержали вес состава, номер подъёмника, показания слухача жилы, давление в тяговом доме и короткую запись происшествия.

Узор на ней сбивался, будто пробойщик дважды попал в одну строку и оба раза не туда.

— Состав должен был сорваться, — сказал инспектор. — Так считает старший мастер. Канатный захват взял жилу неровно. На одном из натяжных роликов образовался скол. На входе в центральный желоб пошла боковая дрожь. Если бы тяговый дом добавил ход, захват разорвало бы или сорвало с жилы.

— Что слухач?

— Утверждает, что жила пела чисто.

Валхор повернулся.

— Жила не может чисто петь при сколотом ролике.

— Да, ваша светлость.

— Кто остановил состав?

Инспектор замялся.

— Какой-то проезжий.

В кабинете стало тихо. Даже перо младшего писца перестало скрипеть.

— Простой проезжий? — удивился Валхор.

— Чужак. Был на станции перед подъёмом. С ним несколько человек. Не из наших округов. Он вмешался в работу сцепной площадки.

Дойн сухо сказал:

— Начальник станции позволил?

— Не сразу. Там была давка, груз уже висел на линии. Паротяг подвёл состав к захватной точке, тяговый дом поднял давление, жила пошла. Чужак указал на натяжной ролик и потребовал сбросить пар с главного барабана. Потом велел не брать состав на полный ход, отвести захват, поставить клин под обратный башмак и проверить один из зубьев клешни.

— Говорил как мастер?

Инспектор помедлил.

— Нет, ваша светлость.

— Как кто?

— Как человек, который никогда не работал на хребтовой линии, но видел её насквозь.

Валхор протянул руку.

Инспектор быстро подал узорную карту.

Пластина была холодной. Пробитые строки шли ровно только до середины. Потом началась грязь: лишние точки, короткие сбои, места, где узорная станция будто пыталась передать не запись, а чужое ощущение. Карты так не делали. Машина либо пробивала данные, либо портила карточку.

Но тут испорченной была не машина.

Валхор положил карту на чёрную подставку у края стола и коснулся её пальцами. Он направил Волю на считывание узора. Старые школы называли это видением Акаши; такому не учили простых узорников. Карта не показывала событие, как кинолента, но отдавала образы, резонанс, ощущения и понимание.

Кабинет не исчез: стол, руда, газета, Дойн и инспектор остались на своих местах. Но поверх них во внутреннем пространстве Валхора проявился другой мир: мокрая сцепная площадка, белый пар, крики смены, стук тормозных колодок, тяжёлый ход барабана в тяговом доме. Под ногами — дрожь каменного седла. В центральном желобе шла стальная жила. Сначала ровно. Потом с тонкой боковой хрипотцой.

Состав висел на подъёме. Мокрые вагоны, тяжёлая руда. Паротяг держал давление, но главную силу уже давал тяговый дом. Захват неровно вгрызся в жилу. В пятом ролике был скол, и жила начинала уходить на край. Слухач жилы стоял у контрольной пластины. Ладонь прижата к металлу. Лицо уверенное, но он не слышал.

Рядом стоял чужак.

Он не тянулся к жиле своей Волей, как тянутся путевые видящие Притхиви. Не слушал камень. Не просил Искру открыть ему скрытое.

Он просто смотрел обычным взглядом.

И видел.

Видел связь: угол захвата, дрожь жилы, скол ролика, запаздывание барабана, тяжесть состава, лишний пар. Он не использовал Дар. Скорее смотрел на линию как на чертёж.

Валхор убрал руку.

— Слухач жив?

— Да, ваша светлость. Его оставили до вашего распоряжения.

Инспектор склонил голову.

— Что начальник станции?

— Уже пишет объяснение.

— Пусть пишет второе. Первое — почему состав едва не сорвался. Второе — почему посторонний человек увидел жилу раньше слухача и мастера.

Дойн сделал пометку.

— Чужак назвался?

— В первичной карте имени нет. Трактовая стража передала, что он ушёл до прибытия старшего караула.

— Ушёл, — сказал Валхор. — После вмешательства в герцогскую линию.

Инспектор побледнел сильнее.

— Люди на станции были ему благодарны. Возникла неразбериха.

— Благодарность рабочих редко улучшает порядок.

Валхор снова просмотрел карту своей Волей. Точка у Сухой Балки перестала дрожать. Линия вернулась к ровному тусклому свету, будто ничего не произошло.

— Доклад оставить, — сказал герцог. — Карту тоже. Вы свободны.

Инспектор поклонился и вышел, стараясь не смотреть на следы от своих сапог.

Дойн дождался, пока дверь закрылась.

— Мелкий случай, ваша светлость. Возможно, мастер прикрывает ошибку.

— Возможно.

Валхор положил руду на стол.

Второй доклад принесли через семь минут.

На этот раз вошёл не дорожный инспектор, а банковский поверенный в тёмном сюртуке с узкой серебряной цепочкой на груди. Цепочка обозначала право работать с пробирной книгой. Поверенные любили эти знаки больше, чем старые школы любили свои строи.

Поклонился он правильно. Сапоги вытер заранее. Коробку держал обеими руками.

— Ваша светлость, Хардумский горный банк просит внимания к необычному платёжному металлу.

— Банк просит внимания герцога к монете?

— Не к монете, ваша светлость.

Поверенный открыл коробку.

Внутри на тёмном бархате лежали три маленьких серебряных кружка. Для монет слишком ровные: без чеканки, без герба и потёртостей от чужих пальцев. Один кружок был надрезан пробирщиком. Срез блестел бело и чисто.

Валхор не взял металл сразу.

— Откуда?

— Из обменной лавки у Восточных ворот. Лавочник принял их утром за расчёт. Отнёс в малую палату, потому что не знал, по какому весу считать. Малая палата передала в банк.

— Почему?

Поверенный облизнул губы.

— Невозможный уровень пробы.

Дойн чуть скривился.

— Как это невозможный?

— Да, господин герцог. Проба необычно высокая. Почти без меди и свинца. Следы примесей не совпадают с рудами Венцового края, Северной складки, равнинных копей и южных промывок. Мы проверили по пробирной книге и по узорной карте поставок. Нет рудничных меток, купеческих насечек и следов обычной чеканки.

— Старый клад?

— Тоже нет, ваша светлость. Нет признаков долгого хранения. Поверхность свежая, обработка очень ровная.

Валхор взял один кружок.

Серебро было холодным и по ощущениям очень чистым. Деньги обычно несли на себе следы людей. Даже если их отмывали, переплавляли, клеймили заново, в них оставалась цепочка: рудник, плавильный двор, банк, купец, рука, карман, страх потерять и желание получить больше.

Этот кружок молчал, как будто появился из пустоты.

— Кто расплатился?

— Лавочник описал мужчину. Высокий, русые волосы, северный покроем плаща, речь странная. Был не один. С ним женщина и несколько вооружённых людей. По виду — не городские.

Дойн поднял глаза от записи и посмотрел на герцога.

— Сухая Балка?

— Расстояние позволяет, — сказал Валхор.

Поверенный замер, поняв, что сказал слишком мало и уже услышал слишком много.

— Лавочник задержан? — спросил герцог.

— Нет, ваша светлость. Мы сочли

Валхор его перебил.

— Правильно сочли. Не задерживать. Лавку не трогать. Пусть работает. Каждый, кто спросит об этом серебре, должен быть записан. Каждый, кто принесёт похожее, должен выйти довольным и под наблюдением.

Поверенный поклонился.

— Да, ваша светлость.

— Кружки оставить.

— Банк просил вернуть хотя бы один для

Валхор посмотрел на него.

Поверенный быстро закрыл рот.

— Кружки оставить, — повторил герцог уже мягче. — Банку передать благодарность за внимательность. Пробирщику — премию. Малой палате — выговор за задержку в передаче.

— Но они передали в тот же час, ваша светлость.

— Значит, в следующий раз передадут сразу.

Поверенный поклонился ещё ниже и вышел.

Дойн молчал. Он был умным человеком и знал цену молчанию.

Валхор положил серебряный кружок рядом с рудой. Чужой металл и местный камень коснулись друг друга на чёрной поверхности стола.

Герцог провёл пальцем над ним, не касаясь. Воля легла тонко, как стекло на воду. Обычный металл отвечал едва заметно: хранил тепло рук, страх вора, жадность лавочника, усталость пробирщика.

Серебро ответило пустой гладкостью.

Валхор убрал руку.

Сильных людей он не боялся, их было удобно учитывать. Сильный род хотел брака. Сильный заводчик хотел лицензии. Сильный видящий хотел попасть в школу. Сильного бунтаря можно было купить, повесить, опозорить или превратить в депутата городского совета. В зависимости от цены.

Опасны были те, от кого не тянулась нить истории.

Третий доклад принёс Северин Вейр.

Он вошёл без папки. В этом была его привилегия и его дурная привычка. Высокий, худой, гладко выбритый, с лицом профессора, который случайно возглавил пыточную. На нём не было ни знаков тайной службы, ни герцогских цветов. Только серый сюртук, перчатки из тонкой кожи и трость с набалдашником из чёрного дерева.

Вейр поклонился меньше, чем требовал этикет, и ровно настолько, насколько Валхор позволял лично ему.

— Ваша светлость.

— Ты быстро.

— Вы платите мне за скорость.

Дойн сделал вид, что не услышал.

Валхор сел глубже в кресло.

— Говори.

Вейр достал из внутреннего кармана сложенный лист. Сначала прочёл сам, будто проверял, не изменился ли текст по дороге. Потом протянул герцогу.

— Человек с хребтовой линии, вероятно, тот же, что расплатился серебром у Восточных ворот. В трактовой записи назвался Ратгором. Имя или родовое прозвище — неясно. В некоторых показаниях звучит ещё одно имя, но люди путаются. Говорят, он поправлял их произношение.

— Откуда он?

— С Севера, если верить одежде. Из горных, если смотреть на его охрану. Из аристократов, если верить манере держаться. Из купцов, если смотреть на серебро и слушать, как он торгуется.

— Вы пришли сказать мне, что ничего не знаете?

— Я пришёл сказать, что у этого человека слишком много странностей.

Валхор едва заметно улыбнулся.

Вот поэтому Вейр всё ещё был жив, свободен и полезен.

— Продолжай.

— Род Ратгор в книгах Венцового края не значится. В соседних провинциях есть два похожих звучания: Ратгард и Ратор. Оба мелкие, оба не подходят. Долгов за ним нет. Учителей нет. Школьной записи нет. В трактовых палатах не служил. В купеческих гильдиях не отмечен. Военных списков нет. В почтовых книгах тоже пусто.

— Беглый? — спросил герцог.

— Беглые оставляют больше следов.

— Может, из закрытой школы?

— Возможно.

— Бастард?

— У бастардов есть матери, ваша светлость. Или хотя бы слухи о них.

Валхор взял серебряный кружок и покатал его между пальцами.

— Кто с ним?

— Женщина. Описания расходятся. Одни говорят — жена. Другие — знатная северянка.

Третьи — морочница, но это сказал грузчик, которому она велела убрать руку с её дорожного сундука. Ещё несколько вооружённых. Держатся как наёмники, но не ищут найма. Двое молчаливых, тяжёлых. Один слишком внимательно смотрит на крыши.

— Оружие?

— Часть местного вида. Часть скрыта. Стражник у Восточных ворот говорит, что один из них нёс очень странно сбалансированный клинок.

Валхор положил серебро на стол.

— На него давили?

Вейр впервые посмотрел не на герцога, а на карту. На северо-восточную нить у Сухой Балки.

— Пытались. Слабо. Не мои люди. Станционный писарь с малой Волей. Хотел вытянуть имя для записи. Ратгор не заметил.

— Не поддался?

— Именно не заметил. Это гораздо интереснее.

В кабинете снова стало тихо.

Валхор медленно поднял глаза на Вейра.

— Люди без Дара тоже не замечают слабую Волю.

— Да, ваша светлость. Но они потом всё равно ведут себя иначе. Становятся раздражёнными, покладистыми, грубыми, сонными. Что-нибудь меняется. Этот — нет. Писарь говорит, будто толкнул каменную стену. Я не люблю такие сравнения, но других у него не нашлось.

— Пустой?

— Может быть. Но пустые обычно тупы к узорам вообще. Этот увидел хребтовую жилу раньше слухача.

— Значит, не пустой.

— Или не такой пустой, каких мы знаем.

Валхор встал.

Подошёл к карте. Узоры под стеклом дрогнули, отзываясь на его приближение. Эта карта знала его руку лучше, чем многие люди знали собственное имя.

Он коснулся Сухой Балки. Потом Восточных ворот. Потом короткой дороги между ними.

Три точки.

Сбой линии.

Серебро без происхождения.

Человек без записи.

Если смотреть отдельно, каждая была мелочью. В большом крае ежедневно случались поломки, странные платежи, чужие люди, ложные имена, слабые слухачи, жадные лавочники и испуганные писари.

Валхор не любил отдельные мелочи.

Он любил связи, когда они складывались в понятный ему узор.

— Он ещё в городе?

— Не подтверждено. След ведёт к нижним постоялым дворам, потом рвётся.

— След не рвётся, Вейр. Его либо плохо держат, либо хорошо режут.

— Я потому и пришёл лично.

На карте линия между Восточными воротами и нижними кварталами оставалась ровной. Ни вспышки, ни тревоги, ни красного пульса. Край принимал чужака как обычную пыль на сапоге.

Карта ошибалась второй раз за утро.

Валхор не позволил раздражению подняться выше груди. Раздражение мешало видеть. Гнев был полезен только тогда, когда его видели другие.

— Какие версии? — спросил он.

Вейр загнул палец.

— Северный видящий, обученный вне школ.

Он загнул второй палец.

— Чей-то специально обученный агент.

Третий.

— Незаконный наследник одной из старых линий, скрытый до поры.

Четвёртый.

— Человек древнего ордена, если верить сказкам, которые любят старухи и младшие архивисты.

Пятый палец он не загнул.

— Или?

— Или мы смотрим не туда.

Дойн тихо вдохнул.

Валхор повернулся к секретарю.

— Запишите приказ.

Писец вздрогнул и наконец опустил перо.

— Первое. Сухая Балка: слухача жилы доставить в Хардум под видом лечения. Не допрашивать на месте. Начальника станции оставить на должности до особого распоряжения. Пусть думает, что имеет шанс.

Перо бежало по бумаге.

— Второе. По серебру: обменные лавки Восточных ворот, Нижнего ряда и трактовых постоянных дворов предупредить через банк. Открыто не искать. Принимать. Платить щедро. Записывать лица, речь, спутников, направление, все возможные детали.

Вейр улыбнулся краем рта.

— Щедрость всегда делает людей разговорчивыми.

— Поэтому она обходится дешевле пыток.

Дойн не поднял головы.

— Третье. Газетам дать слух о северном инженерере, который спас рудный состав. Без имени. С похвалой трактовой службе. Мне нужно знать, кто захочет поправить эту историю.

— Да, ваша светлость.

— Четвёртое. Школам Видения отправить закрытый запрос по редким пустым и по ученикам без родовой записи за последние двадцать лет. Ответы только через герцогскую узорную станцию. Без обычной почты.

— Да, ваша светлость.

— Пятое. Незнакомца не брать.

Вейр чуть склонил голову.

— Совсем?

— Пока.

— Если он уйдёт?

— Значит, узнаем, куда.

— Если начнёт вмешиваться ещё?

Валхор посмотрел на серебро рядом с рудой.

— Он уже начал.

Вейр убрал лист обратно в карман.

— Наблюдать близко или издалека?

— Достаточно близко, чтобы слышать, что он покупает. Достаточно далеко, чтобы он не решил, будто мы боимся.

— А мы боимся?

Младший писец перестал дышать.

Дойн закрыл глаза на одно короткое мгновение.

Валхор подошёл к столу и взял кусок руды. Сжал в ладони так, что костяшки пальцев побелели.

— Нет, Вейр. Мы анализируем.

— Разумеется, ваша светлость.

Но Вейр был слишком умён, чтобы не услышать то, чего герцог не сказал.

Валхор не боялся чужака так, как боялся убийцу за дверью, бунта на площади или письма с имперской печатью. Страх перед такими вещами был простым. У него имелись формы, сроки, исполнители и статьи расходов.

Здесь было другое.

В край вошёл человек, на которого не ложились привычные меры.

Без рода, который можно призвать к ответу.

Без долга, который можно выкупить.

Без учителя, которого можно припугнуть.

Без лицензии, которую можно отнять.

Без газеты, которая уже назвала бы его правильным словом.

Без страха, оставившего след в чужой Воле.

Человек был не сильнее Валхора. Скорее всего. Сильные сияли, давили, шумели вокруг себя. Их замечали даже дураки. Этот тоже сиял, но странно.

Он не вписывался в привычный мир.

А неписанное портило страницу сильнее кляксы.

— Найдите его правильное имя, — сказал Валхор.

Вейр внимательно посмотрел на герцога.

Валхор положил руду обратно. Потом взял серебряный кружок и накрыл им красную правку в газете. Чужой металл закрыл слово «порядок».

За окнами снова загудел тяговый дом. Низко и протяжно. Стёкла едва заметно дрогнули. Где-то внизу Хардум глотнул угольного дыма и продолжил работать, не зная, что его хозяин уже изменил несколько строк в утреннем отчёте.

Вейр поклонился и вышел.

Валхор остался стоять у стола.

Он смотрел на три вещи: руду, серебро и узорную карту с Сухой Балки.

Здесь всё принадлежало ему. Газеты, банки, тракты, продовольствие, уголь, школы, судьи, лицензии, страхи и надежды этого края — всё имело место на его узорной карте.

Но сегодня утром в Венцовый край вошёл незаписанный человек.

А незаписанным в крае Ардена Валхора позволялось существовать только до той поры, пока герцог о них не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.